

СМЕРТЬ НЕ СПИТ

ДАРЬЯ ЛЮСЬЕН

Дарья Люсьен

Смерть не спит

«Литнет»

2026

Люсьен Д.

Смерть не спит / Д. Люсьен — «Литнет», 2026

Продолжение романа «Смерть не берёт». Советник Сайт двадцать лет строил репутацию человека, который борется с тёмной магией. Пока Аня не нашла в архиве ордена письмо с его подписью. Впереди — столица, императорский двор и человек, который умеет быть невидимым. Который знает про теневую магию больше, чем должен. Который хочет жить — и готов заплатить за это чужой ценой. Аня умеет работать с мёртвыми. Но живые опаснее — особенно те, кто двадцать лет не оставлял следов. Орден можно закрыть. Флаконы — опустошить. Советника — арестовать. Но в горах на севере стоит маленький замок. Там живёт женщина, у которой пять лет назад забрали дар. И там начинается следующая история.

© Люсьен Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Имя	5
Глава 2. Три года назад	9
Глава 3. Дорога	12
Глава 4. Утечка	17
Глава 5. Торговый квартал	21
Глава 6. Двор	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глава 1. Имя

Архив ордена пах старостью и чужими тайнами. Это был профессиональный запах — я его знала. В море тоже пахло чужими тайнами: только острее, без бумаги, без той мягкой пыли, которая здесь лежала на всём. Там тайны были написаны на телах — в синяках, в следах от игл, в характере переломов. Здесь бумага делала их вежливее. Приемлемее для обычного восприятия. Но не убирала. Три месяца я сидела над этими документами. Каждый день — с утра до обеда, иногда до ужина, если Кэйн не приходил и не говорил одну фразу: «Поешьте». Не медицинская рекомендация больше — личная. Я знала разницу, и разница имела значение. Архив занимал три комнаты в северной башне. Кир прислал документы тремя волнами — первые две ещё зимой, последняя пришла неделю назад с коротким письмом его характерным мелким почерком с наклоном вправо: *Это последнее из монастырского подвала. Остальное уже у имперской стражи. Начинайте с красных конвертов — они важнее. Остальные — по обстоятельствам.* Комната, в которой я работала, была самой маленькой из трёх — угловой, с двумя окнами. Одно выходило на двор, второе — в узкий внутренний пролёт, где постоянно сквозило. Стены здесь держали холод до самого апреля: камень не отдаёт тепло быстро. В углах стояли полки — тёмного дерева, разошедшиеся, набитые книгами в кожаных переплётах с выцветшими корешками. На одной полке — ряд одинаковых томов в серых переплётах, пронумерованных. Реестры. На другой — свёртки в холщовых обёртках, перевязанных бечёвкой, задвинутые в самый угол. Я добралась до них только в феврале: внутри оказались карты — подробные, с пометками, часть из которых я до сих пор не расшифровала. Лучший стол был у окна, выходящего во двор. Я его заняла в первый день. За три месяца он стал моим: кружки, блокноты, подсвечник на случай поздней работы. Чернильница, которую Кэйн принёс без комментариев — поставил и ушёл. Лис однажды принесла маленький горшок с чем-то вечнозелёным, поставила на подоконник без объяснений. Я не убрала. Поверхность стола покрылась следами: от кружек — светлые круги на дереве, от воска — мелкие затвердевшие капли у края. Архивная пыль оседала на всём — тонкая, сухая, почти невидимая. Она не уходила от вытирания. Встраивалась в дерево, в бумагу, в кожу рук. Конверты с сургучом надо было открывать осторожно: крошился при прикосновении, разлетался красными крупинками. В старых конвертах сургуч уходил в тёмно-вишнёвый, почти коричневый. В свежих — яркий, оранжевый. При вскрытии слабо пахло смолой. Кто-то добавлял в сургуч что-то ароматическое — я заметила это ещё в первую неделю, но так и не разобралась, зачем. Из окна в полдень лился косой свет — мартовский, жёлтый и слабый, но уже настоящий. Снег во дворе таял медленно: зима не отпускала замок без сопротивления. У северной стены ещё лежал сугроб — серый, обледелый. Под карнизами капало. Из водосточных желобов текло тонкими струями, и у стены образовалась лужа, которая к ночи замерзала и к полудню снова таяла. Дэйну внизу гонял двух молодых стражников по двору — в полном снаряжении, тяжёлым шагом по раскисшей земле. Голос до меня не доносился, но он говорил: рубил ладонью воздух, разворачивался, указывал. Один стражник уходил с тренировки быстро — расслабил плечи, едва отошёл за угол. Второй задержался, посмотрел на свои руки, потом на Дэйна. Что-то дошло. Хороший признак. Лина сидела на ступенях кухонного крыльца с вязанием — уже без той напряжённости, которая была в ноябре. Рой прошёл мимо, бросил ей что-то на ходу. Она засмеялась, не поднимая глаз от спиц. Замок жил. После всего что было — хорошо, когда замок просто живёт. Я отвернулась от окна и вернулась к бумагам. Система, которую я выработала за три месяца, была простой. Каждый документ — в одну из четырёх стопок. Первая: прямые доказательства оперативной деятельности ордена. Имена, даты, места, операции. Это шло в имперскую стражу

и архивариусам. Вторая: имена агентов — известных, предполагаемых, косвенно упомянутых. Список рос медленно, но рос. Третья: финансовые документы — откуда деньги, куда деньги. Это была самая скучная стопка и одна из самых важных: деньги оставляют следы там, где всё остальное стёрто. Четвёртая: непонятное. Всё, что не ложилось в первые три категории, что требовало дополнительного контекста или экспертизы.

Четвёртая стопка была самой интересной.

В ней чаще всего оказывались вещи, которые потом становились ключом.

Красные конверты шли отдельно. Кир пометил их — значит, сам считал важными, а у Кира хороший нюх на важное.

К середине февраля я научилась читать основные коды ордена почти без таблицы-ключа. Коды были незатейливые — орден не рассчитывал, что архив когда-нибудь попадёт в чужие руки. Каждый агент обозначался двумя буквами и числом: буквы — инициалы куратора, число — порядковый номер в его сети. Одно и то же обозначение в разных документах — один и тот же человек, независимо от операции.

Один документ из четвёртой стопки я разбирала три дня. Написан на двух языках — имперском и на чём-то, что поначалу казалось шифром, а оказалось диалектом южного приграничья. Пришлось просить Кира. Он прислал словарь с пометками — мелкий почерк, без лишних слов, только нужное. Когда расшифровала: список имён с датами и суммами. На первый взгляд — обычная ведомость выплат. На второй — суммы шли по убывающей, и рядом с несколькими именами стояло одно и то же слово. В переводе с диалекта — «выведен».

Что именно вывели — людей, деньги, информацию — документ не уточнял.

Это и было интересно.

Я сделала пометку в блокноте. Таких пометок к марту накопилось уже больше страницы.

К сегодняшнему утру я разобрала все красные конверты, кроме одного. Почти все — операционные отчёты. Сухие, закодированные, читаемые.

Последний лежал отдельно.

Я его отложила вчера — заметила по весу, что там несколько листов, а не один, и решила оставить на утро, когда голова свежее.

Утро было свежим.

Я взяла конверт.

Сургуч крошился в два слоя.

Основной — и второй поверх. Двойная запечатка. Кто-то очень не хотел, чтобы это письмо открыли случайно. Или хотел, чтобы получатель точно понял: вот это — важное.

Я вскрыла аккуратно. С уликами — аккуратно: выработанная привычка, даже когда кажется, что это не нужно.

Бумага внутри была другой. Плотнее, белее — явно не та, на которой писались обычные отчёты. Хорошая бумага, дорогая, с лёгкой зернистостью на ощупь. Такую используют для важной переписки — не для оперативных записок.

Листов было два. Я развернула первый.

Почерк — мелкий, с лёгким наклоном влево, очень чёткий. Человек, который привык писать много и быстро, но при этом следил за разборчивостью. Дисциплинированный почерк. Почерк администратора.

Дата в правом верхнем углу.

Двадцать два года назад.

Я начала читать.

Уважаемый Солен. Благодарю за своевременную информацию о действиях агентов в северном регионе. Как я и предупреждал, чрезмерная активность привлекает нежелательное внимание. Настоятельно рекомендую сократить операции до двух в год максимум — и только при условии полной изоляции от любых официальных структур.

Ровно, методично — как читаю всегда, когда документ может оказаться важным. Не торопясь, не пропуская слов.

Отдельно — по вопросу передачи образцов. Текущий канал ненадёжен. Слишком много промежуточных звеньев, каждое из которых является потенциальной точкой утечки. Предлагаю новый маршрут через столицу, который я готов обеспечить лично — используя свои возможности. Детали при личной встрече. Прошу не откладывать. Жду вас в месте, известном нам обоим, в удобное для вас время.

Письмо заканчивалось.

Я перевернула лист.

Подпись.

Не код. Не инициалы. Полное имя — красиво выведенное, с росчерком. Человек, который привык подписываться так, чтобы подпись была видна. Который не боялся своей подписи.

Лорд Веран Сайт, советник Его Императорского Величества.

Я читала подпись.

Потом перечитала её.

Потом отложила

лист.

Взяла кружку. Отпила — чай был холодным, стоял давно. Вкус не почувствовался. Поставила обратно.

За окном капало с желобов. Во дворе кто-то пересёк двор быстрым шагом — я видела краем зрения. Лужа у северной стены поблёскивала.

Советник Сайт.

Советник Его Императорского Величества.

Это не код. Не предположение. Не косвенная улика. Это подпись под письмом главе ордена — двадцать два года назад.

Второй лист оказался списком. Аккуратным, в два столбца. Левый — имена. Правый — пометки напротив каждого. Даты, суммы, кодовые обозначения.

Я узнала код — один из стандартных кодов ордена для передачи даров.

Список был длинным. Много имён.

Я читала медленно — каждое имя, каждую пометку. Некоторые я узнавала из других документов архива. Некоторые — нет. Рядом с несколькими стояла пометка, которую я уже видела в операционных отчётах: «завершено».

Это слово в документах ордена означало одно.

Смерть.

Я встала. Профессиональная привычка — нужна была минута, прежде чем возвращаться к листам. Прошлась до окна и обратно.

Факты.

Письмо написано на дорогой бумаге. Двойной сургуч. Двадцать два года назад. Адресовано Солену — личное имя Дарра, которое использовалось только в частной переписке самого высокого уровня. Автор подписался полным именем — советник Сайт.

Содержание: информация об операциях ордена, рекомендация по их корректировке, предложение нового канала для передачи даров через столицу.

Это не письмо человека, который случайно связался с орденом.

Это письмо человека, который работает с орденом давно и на высоком уровне. Который знает оперативные детали. Который предлагает использовать свои возможности — советника при дворе — для обеспечения новых каналов.

Я остановилась у окна.

За стеклом — тот же двор. Дэйн ушёл со стражниками за угол. Лина ушла с крыльца. Пусто. Только лужа поблёскивала на слабом солнце, да капало ровно с желобов.

Советник Сайт.

Человека с такой репутацией не ищут. Человека, который двадцать лет назад сам инициировал охоту на орден, не подозревают. Репутация

защищает лучше любого прикрытия.

Вот почему письмо с его полной подписью лежало здесь, в архиве ордена, а не в имперских делах. Вот почему прошло двадцать два года — и никто не нашёл.

Я вернулась к столу.

Взяла чистый лист. Написала на нём одно слово: *Сайт*.

Положила рядом с письмом.

Потом начала методично проверять — поднимала другие документы из красных конвертов, искала упоминания. Не имя — код. Тот, который использовался в переписке ордена для особо важных контактов.

За час нашла ещё дважды.

Один раз — в списке получателей информации об операции в южном регионе. Среди других инициалов — «В.С.». Дата совпадала с периодом письма.

Второй раз — в расходной ведомости. Строчка об оплате «услуг посредника в столице» на сумму, которая говорила о статусе посредника однозначно. Не мелкий агент. Человек, который стоит дорого — потому что стоит много.

Три упоминания за двадцать лет архива — это мало.

Значит: работал аккуратно. Следов почти не оставлял. Почти — потому что одно письмо с подписью лежало в конверте с двойным сургучом двадцать два года.

Иногда достаточно одного следа.

Я листала хронологию ордена — тетрадь, которую составляла с первого месяца работы.

Нашла.

Серия записей о «чистке» — незадолго до и после даты письма. Несколько агентов арестованы. Один региональный исполнитель задержан, дело передано имперской страже. Официально — успех в борьбе с тёмной магией. В записях ордена с другой стороны — паника. Что-то пошло не так, люди исчезают, кто-то сдаёт.

Кир писал об этом в одном из первых писем — как о первой попытке остановить орден. Неудачной, потому что задержали только мелких.

Я перечитала его слова теперь иначе.

Кто организовал ту «чистку»?

Сайт.

Он не разрушал орден. Он зачищал конкурентов внутри — тех, кто претендовал на слишком много, кто мог стать угрозой его позиции. Убирал руками имперской

стражи. Получал репутацию. Оставался чистым.

Элегантно.

Профессионально.

Двадцать лет элегантности.

Я закрыла тетрадь. Убрала три документа с упоминаниями Сайта в отдельный конверт — новый, чистый. Написала: *Приоритет*. Положила перед собой.

Взяла чистый лист и начала записывать вопросы. Когда улика найдена — сразу вопросы. Потому что улика — точка входа, а не ответ.

Когда именно Сайт начал работать с орденом? До письма или письмо было началом?

Что стоит за «возможностями», которые он предложил Дарру? Какой именно канал через столицу?

Список имён — все жертвы? Или часть — агенты, которые перешли к нему?

Кто ещё при дворе связан с орденом через него?

Почему письмо с его подписью осталось в архиве? Дарр держал как страховку?

Последний вопрос был особенно интересным.

Дарр двести лет выживал — не просто существовал, а выживал в условиях, где каждый потенциально мог стать угрозой. Для такого человека хранить компромат на высокопоставленного союзника — это не безрассудство. Это страховка.

Значит, Дарр не полностью доверял Сайту. Или — доверял, но проверял. Или — знал, что доверие в их деле — роскошь, которую не могут себе позволить даже союзники.

Умный человек.

Жаль, что использовал это в таких целях.

Я дописала последний вопрос:

Знает ли Дарр, что мы нашли это письмо?

В полдень пришёл Кир.

Не потому что я звала. Просто пришёл — как делал иногда, когда заходил проверить работу или обсудить что-нибудь из своей части разбора. Он был в замке три дня. Приехал без предупреждения — вечером, сдал лошадь, пришёл к ужину. Кэйн сказал: «Долго». Кир ответил: «Дела». На этом обсуждение закончилось.

За ужином привёз новую сводку по суду. После — сидел с Кэйном, говорили тихо. Я не прислушивалась.

Сейчас он постучал в открытую дверь.

— Как идёт?

— Хорошо. — Я взяла конверт с надписью «Приоритет». — Зайдите.

Он вошёл. Огляделся — быстро, профессионально: стол, стопки, конверты. Взгляд задержался на чистом конверте с надписью.

— Нашли что-то, — произнёс он. Не вопрос.

— Да. Садитесь.

Он сел напротив — на стул, который я держала у стола для таких разговоров. За три месяца разные люди сидели на нём: Кэйн, Дэйн, однажды Лис — принесла чай и задержалась на пять минут, потому что я задала ей вопрос, а она оказалась наблюдательнее, чем казалась.

Я открыла конверт. Вытащила письмо. Положила перед Киром.

— Красный конверт семнадцать, — сказала я. — Двойной сургуч. Двадцать два года.

Кир взял.

Читал быстро — документы были его языком. Первые строки: пальцы держали лист ровно, лицо спокойное. На середине появилась лёгкая складка между бровями — что-то зацепило. Перед подписью он замедлился. Я видела, как остановилось движение глаз.

Подпись.

Кир побледнел — постепенно, как отлив. Я заметила это, только когда он опустил письмо на стол: лицо уже было другим.

Он положил руки на стол — обе, ладонями вниз — и смотрел на подпись. Скулы напряжены. Потом поднял взгляд.

— Вы его знаете, — сказала я.

Он взял письмо снова — медленно. Перечитал подпись. Положил.

— Лорд Сайт, советник Его Императорского Величества, — произнёс он. — Я думал... — Остановился.

— Что думали?

— Что он порядочный человек.

Пауза.

— Он сам меня нанял, — произнёс Кир тихо. — Три года назад.

Снаружи продолжало капать с желобов. Архив молчал.

Глава 2. Три года назад

В кабинете Кэйна было теплее, чем в архиве. Камин горел справа от окна — негромко, ровно, без треска. Свет в комнате был другой: не белёсый архивный, а жёлтый, живой, с тенями по углам. На стене напротив двери — карта северного региона в деревянной раме, с карандашными пометками, значения которых я не знала. На столе — бумаги Кэйна, сдвинутые в сторону. Посередине лежало письмо. Нас было трое. Письмо уже прочитал каждый. Всё необходимое уже было сказано по дороге сюда — короткими фразами, без лишнего. Теперь — разбирать. Кэйн сидел напротив меня. Он взял письмо снова — не чтобы перечитать, а чтобы держать. Смотрел на него несколько секунд. Потом положил, сложил руки на столе — пальцы переплелись — и оставался так, пока не заговорил. — Я его видел. — Когда? — Дважды. Последний — четыре года назад, на приёме по случаю задержания агентов ордена. Большой зал, весь двор. Вино, речи, следовательно в центре внимания. — Кэйн говорил медленно, перебирая детали по порядку. — Сайт стоял у левого окна. Один. Не поздравлял, не подходил ни к кому. — Он помолчал. — Я подумал тогда: скромный человек. Не любит оказаться в центре чужого торжества. — А он считал, чья это победа, — произнёс Кир. — Теперь думаю — да. Кэйн встал из-за стола — прошёл к окну. Двор внизу: серый апрельский день, мокрая мостовая, Дэйну у ворот разговаривает с кем-то из стражи. Обычный день, не знающий, что происходит здесь, в кабинете на верхнем этаже. — Кир. — Я смотрела на письмо, не на него. — Три предложения для ясности. Что случилось три года назад. Кир кивнул. — Его посредник нанял меня с официальной легендой — независимый наблюдатель с санкцией короны. Бумаги правильные, детали знал только тот, у кого есть нужный доступ. Счёл достаточным. — Голос у него шёл ровно, по одной ноте — человек, который сортирует факты, пока эмоции ждут своей очереди. — Три года докладывал ему параллельно с отчётами для архива. — Что именно? — спросил Кэйн от окна. — Операции ордена, маршруты агентов. Имена, которые он давал мне как «подозрительных» — я проверял, оформлял в отчёт, дальше шло в стражу. — Кир говорил тем же тоном — факт, потом ещё факт. — И про замок. Кэйн обернулся. — Охрана. Маршруты. Кто живёт, кто приезжает. — Кир смотрел на стол. — Про невест. Когда приезжают. Есть ли дары. Какой именно. Кэйн не двинулся с места. Я видела, как изменилась линия его плеч — едва заметно, на волосок, но изменилась. Руки опустились вдоль тела. Пальцы согнулись, нашли точку опоры и держались. — Он собирал о них информацию, — произнёс он. — Да. — Кир поднял взгляд. — Я понял только сейчас. Тогда думал — часть общей картины по ордену. Они интересовались замком, значит, нужно знать о замке. Логика мне дал он. — Удобную логику. — Очень. Кэйн прошёл к столу — сел. Взял письмо. Не читал, держал. Потом отложил, не говоря ничего несколько секунд. У левого виска напряглась жилка — тонкая, едва заметная. Потом прошла. — Что у нас есть, — произнёс он. Переключение — без перехода. — Подписанное письмо двадцатидвухлетней давности, — сказала я. — Три косвенных упоминания в других документах. Список — нужно установить, кто из него значится в официальных делах. — Я посмотрела на Кира. — И ваш рассказ. Это не документ, но это живая память. Вы видели его лично, говорили с ним, знаете, как он мыслит. — Документы он мог подделать, — произнёс Кир медленно. — Да. А память о живом человеке — нет. Кир смотрел на меня. Что-то в лице — нет: скулы чуть расправились, как будто он нашёл, за что держаться. — Тогда делаем, — сказал он. — Разделили быстро и конкретно. Кир берёт оставшиеся красные конверты — сегодня. Все финансовые ведомости на предмет сумм, совпадающих с теми, что он получал сам. Параллельно — хронология арестов за три

года его работы: кого задержали, по каким делам, совпадают ли с именами, которые ему давал Сайт. Список из двадцати восьми имён из письма — проверить каждое по документам ордена.

Кэйн пишет по своим каналам — про двор, не про орден. Кто Сайт при дворе: с кем близок, кому обязан, кто обязан ему. Официальные дела — все, что можно найти, не привлекая внимания. Ответы придут через две недели, может раньше.

Я закрываю синие конверты — три дня максимум. Реестр всех имён. По каждому: есть ли они в архиве под другими обозначениями, есть ли в официальных материалах о задержаниях за те же годы.

— Через месяц едем официально, — сказала я. — Суд над Дарром. Никаких поездок раньше срока.

— Если раньше — поймёт, что мы знаем, — согласился Кэйн.

— Нам нужно, чтобы у него было меньше времени. — Я посмотрела на Кира. — В столице вы появляетесь официально. Наблюдатель замка Вэрнер. Полномочия, бумаги — всё открыто. Встречи с ним не ищите. Есть в городе, по делу — и только.

— Он меня найдёт, — сказал Кир.

— Вы уверены?

— Человек такого уровня не оставляет своих бывших людей без присмотра. Особенно тех, кто знает слишком много о его работе. — Кир говорил без лишних слов — это был расчёт, уже готовый. — Я официальный наблюдатель по делу ордена. Он захочет понять, сколько я успел узнать. Придёт сам.

— Ваша задача — быть нейтральным, когда придёт.

— Как человек, который рад встрече со старым знакомым. Без неловкости, без лишнего. — Кир поднял взгляд — не на меня, куда-то мимо, обдумывая. — Он должен думать, что я не знаю. Что для меня он всё ещё тот человек, на которого я работал три года.

— Это сложно.

— Я наблюдатель. — Голос у него стал чуть тише, но ровнее. — Держать лицо — ремесло.

За окном кабинета звякнуло железо у ворот. Голос Дэйна — неразборчивые слова, знакомая интонация. Недоволен. Обычный день.

— Кто знает? — спросил Кэйн.

— Пока никто. Дэйн — потом, когда у нас будет больше ответов.

— Марта?

— Марта знает всё, что происходит в замке, — произнёс Кир совершенно серьёзно.

Кэйн посмотрел на него.

— Правда, — подтвердил он.

— Тогда — особенно не Марта, — сказала я.

Секунда тишины. Потом Кэйн кивнул. Кир кивнул.

Я убрала письмо в папку с надписью «Приоритет» и застегнула её.

Разошлись работать по отдельности.

Кир вернулся в архив. Кэйн остался в кабинете — когда я проходила мимо дверей через час, слышала скрип пера. Я работала в угловой комнате: сквозняк из второго окна, архивная пыль, синие конверты.

Синие шли медленнее красных. Меньше крупных имён, больше операционной мелочёвки — маршруты, явки, хронология. Скучное, необходимое, важное.

Около четырёх зашёл Кир.

Положил на стол лист — выдержку из расходной ведомости, которую я ещё не смотрела. Строчка посередине: дата, сумма, «посредник, столица». Рядом — инициалы. «В.С.»

— Та же сумма, что в семнадцатом конверте? — спросила я.

— Нет. Больше. На треть.

— Значит, его ценность для ордена росла. — Я взяла лист. — Долгосрочный контакт, не разовый.

— Да. — Кир сел на стул у края стола. — И ещё. Я проверил хронологию арестов за три года своей работы. Пятнадцать имён, которые он мне давал. — Он говорил методично. — Четырнадцать из пятнадцати — фигурировали в документах ордена как люди с претензиями. Не просто агенты. Те, кто знал лишнее или претендовал на самостоятельность внутри структуры.

— Пятнадцатый?

— Совпадений не нашёл. Возможно — личный счёт, не связанный с орденом. Возможно — документ не дошёл до архива.

Я добавила оба листа в папку. Она стала заметно толще, чем утром.

Недостаточно — но это уже не просто начало.

— Кир, — произнесла я.

— Да.

— Когда он вас узнает в столице — а узнает — как будете держаться в первые секунды?

— Первые секунды самые важные, — сказал Кир. — Там решается, видит ли он то, что должен видеть. — Он говорил так, будто объяснял рабочую процедуру. — Улыбка, которая не слишком широкая. Удивление, которое не слишком быстрое. Рукопожатие, если предложит — нор-

мальное, без напряжения в запястье. — Он сложил руки. — Всё, что делает человек, который действительно рад встрече со старым знакомым, но не подготовился к ней заранее.

 — Вы уже думали об этом.

 — С того момента, как прочитал подпись. — Кир посмотрел на папку. — Три года я работал на него честно. Это означает: я знаю, что именно он хотел от меня слышать. — Помолчал — секунду, не дольше. — Буду говорить именно это. Нет — "то же самое". То, что он ждёт услышать.

 Это было точно сформулировано. Я отметила про себя — и не стала комментировать.

 Вечером, когда за окном стемнело и свет во дворе переменялся с серого на тёмный, я остановилась.

 Блокнот был открыт на списке вопросов. Часть из них теперь имела ответы. Часть — нет. «Знает ли Дарр, что мы нашли это письмо?» — по-прежнему без ответа. «С кем ещё при дворе работает Сайт?» — тоже.

 Месяц.

 За месяц можно разобрать архив до конца. Можно получить ответы от дворцовых каналов Кэйна. Можно составить полный реестр тех двадцати восьми — узнать, кто из них живёт, кто нет, кто был арестован, кто исчез.

 И потом — столица. Суд над Дарром. Человек у левого окна, который стоит один и наблюдает, не подходя ни к кому.

 Посмотрим, — подумала я. — Посмотрим, кто успеет первым.

Глава 3. Дорога

Месяц прошёл быстро.

Так всегда бывает, когда работаешь. Дни складываются в недели, недели — в месяц, и оглядываешься только когда заканчивается.

Архив я разобрала до последнего листа. Всё, что касалось Сайта, лежало в отдельной папке — двадцать три документа, от прямых упоминаний до косвенных следов. Кир прислал из столицы через Стражей подборку официальных дел двадцатилетней давности — те самые аресты, которые Сайт инициировал под видом охоты на орден. Восемь человек. Все осуждены. Все имели отношение к ордену — но не как случайные агенты. Как конкуренты Сайта внутри. Убирал руками имперской стражи. Получал репутацию. Оставался чистым.

Я добавила это в папку и закрыла её.

Кэйн написал три письма по своим каналам. Получил ответы. Два из трёх подтвердили: Сайт при дворе, активен, присутствует на всех заседаниях совета. Третье письмо пришло с задержкой и содержало одну фразу, которую Кэйн прочитал вслух только мне: *Он спрашивал о вас. Осторожно. Но спрашивал.*

Значит, знает. Или догадывается.

Значит, едем вовремя.

Спор случился за три дня до отъезда.

Я его ожидала — не потому что знала заранее. Просто за три месяца научилась читать, когда Кэйн что-то обдумывает и пока не говорит. Это выглядело как обычная сдержанность, но чуть плотнее. Чуть более закрытая линия плеч за ужином. Чуть меньше слов в обычных разговорах.

Он пришёл в архив вечером — я ещё сидела над бумагами, хотя уже разобрала всё нужное. Просто не хотела уходить первой.

— Аня.

— Да.

— Мне нужно сказать кое-что. Про поездку.

— Говорите.

Он подошёл к столу. Не сел — встал рядом, как встаёт, когда тема серьёзная и хочет видеть лицо.

— Я хочу, чтобы вы ехали без официального статуса.

Я отложила бумаги.

— В смысле?

— Не как Страж Границы. — Он говорил ровно, без извинений — просто излагал. — Как моя обручённая. Личный визит на суд. Без официального представления при дворе.

— Зачем?

— Потому что Страж Границы — это должность с полномочиями. — Он говорил терпеливо. — Официальный Страж Границы имеет право запрашивать документы, проводить расследования, требовать аудиенции. Это заметно. Это привлекает внимание.

— Именно поэтому, — сказала я.

Кэйн опустил взгляд на стол — на бумаги между нами. Поднял снова.

— Объясните, — сказал он.

— Мы едем в столицу за доказательствами против человека, который двадцать лет умело оставался в тени. — Я смотрела на него. — Если мы приедем тихо, без официального статуса — мы гости. Нас терпят. Нас не воспринимают всерьёз. Всё, что мы делаем, можно проигнорировать.

— Или не заметить, — возразил он.

— Сайт уже заметил. — Я взяла письмо с его канала — то, с одной фразой. Положила перед Кэйном. — Он спрашивал о нас. Тихо ехать поздно. Значит, нужно ехать громко. — Я говорила прямо. — Официальный Страж Границы замка Вэрнер, приехавший на суд по делу ордена, имеет законное право запрашивать материалы, присутствовать на слушаниях, встречаться с заключёнными. Всё в рамках закона. Всё объяснимо. Попробуй помешать Стражу Границы делать её работу при императорском дворе — это скандал. Это привлекает внимание к тому, кто мешает.

Кэйн молчал. За окном архива темнело — март темнеет быстро, но уже не так, как зимой. Чуть светлее. Едва заметно, но есть.

— И ещё, — добавила я. — Сайт умный. Если я приеду без статуса — он поймёт, что мы осторожничаем. Что знаем про него и боимся. — Я скрестила руки. — Лучше пусть думает, что мы самоуверенны. Самоуверенных людей недооценивают.

— Вы правы, — сказал Кэйн.

— Я думала об этом.

— Это не делает это менее опасным.

— Нет, — согласилась я. — Не делает.

Он принял — я видела это по тому, как разомкнулись его руки, сложенные на столе. Не радостно. Но принял.

— Официальный статус, — произнёс он. — Но одно условие.

— Слу-

шаю.
— При дворе вы не работаете в одиночку. Никогда. Кир рядом или я рядом — всегда.
— Кир не всегда может быть рядом, — сказала я. — Если он играет роль человека Сайта, мы не должны слишком явно пересекаться.
— Тогда я.
— Хорошо.
— Это не обсуждается.
— Я сказала — хорошо.
Он смотрел на меня ещё секунду. Кивнул.
— Выезжаем через три дня.
— Три дня прошли в сборах.
Дэйн формировал охрану — отбирал лично, каждого, без доверия к чужой рекомендации. Забраковал троих из первого списка, двоих из второго. Отобрал шестерых: Мирон, Ант, братья Лен и Лерр, Сарт, Вейн. Ходил по замку с видом человека, которому всё мало, — и это, по опыту, означало: готов.
Рой попросился ехать. Кэйн отказал: нужен надёжный человек в замке. Рой кивнул и ушёл к лошадям.
Эвра собиралась дольше всех.
Я зашла к ней накануне отъезда. Она стояла у открытого сундука — не собирала, смотрела. Рядом на кровати лежала пара платьев, выбранных заранее и снова убранных, вытщенных снова.
— Эвра.
Она обернулась. Улыбнулась — медленно, как человек, которого застали за чем-то, что не хотелось показывать.
— Простите. Задумалась.
— Там ваша семья.
— Да. — Она снова посмотрела в сундук. — Три года я не писала им. Они думают... не знаю, что думают. Наверное, плохое. — Взяла платье, осмотрела, положила обратно. — Я уехала внезапно. Сказала — дела. Не вернулась. Это не... это трудно объяснить письмом. Наверное, и лично трудно.
— Они в столице?
— Мать и брат. Брат злится, скорее всего. Он всегда злится, когда боится. — Она наконец начала складывать — быстро, как решившийся человек. — А мать просто беспокоится. Это хуже.
— Вы встретитесь с ними?
Она помолчала. Согнула одно платье, разогнула.
— Не знаю. Наверное, нужно. — Пауза — настоящая, не ритмическая, она не могла найти слово. — Страшно.
— Я знаю, — сказала я.
Она посмотрела на меня — быстро.
— Вы тоже кого-то оставили.
— Да.
— И?
Я думала секунду.
— И с этим живут. — Я не добавила ничего. Некоторые вещи не требуют подробностей.
Эвра кивнула. Продолжила складывать — теперь без остановок.
— Поеду, — сказала она. — И встречусь. Наверное, во время поездки. Если получится решиться.
— Хорошо, — сказала я.
— Марта поймала меня утром в день отъезда.
Стояла у входа в кухню. Держала корзину — корзину, не блюдо, не поднос. Это была корзина человека, который уже решил.
— На дорогу, — произнесла она и протянула.
— Марта, нас двенадцать человек с охраной, нас накормят на постоялых дворах...
— На постоялых дворах кормят чем придётся. — Она поставила корзину мне в руки, не дожидаясь продолжения. — Это не еда. Это чтобы не умереть. Вот это — еда.
Корзина оказалась тяжёлой. Я взяла.
— Спасибо.
— Держитесь Кэйна, — сказала Марта. — В столице люди теряются. Думают, что знают, куда идут, — а потом оглядываются и не понимают, где свои.
— Я не потеряюсь.
— Знаю. — Она смотрела на меня. Коротко, своим способом. — Держитесь Кэйна. Там он знает, как ходить.
— Он говорил то же самое.
— Значит, оба правы. — Она убрала полотенце с корзины поправить — просто так, чтобы занять руки — и вернула. — Езжайте.
Я пошла во двор.
— Лис ждала у выхода.
Она собрала мне дорожный мешок ещё вчера вечером. Стояла теперь и держала его обеими руками — не протягивала, просто держала, как будто не до конца решила.
— Лис.
— Госпожа Анна. — Протянула мешок. — Тут всё, что нужно. Я проверила дважды.
— Ты всегда проверяешь дважды.
Она кивнула. Смотрела в сторону двора, где Дэйн командовал погрузкой. Что-то в её лице удерживалось — я видела этот удар. Потом она перестала удерживать — шагнула вперёд, обняла. Неловко, крепко, три секунды.
— Отступила. Поправила чепец.
— Простите.
— Не за что, — сказала я.
— Езжайте, — произнесла она. — А то Дэйн там со всеми передерётся.
Я засмеялась. Взяла мешок.
— Вы-

ехали в середине утра.

Двенадцать человек — я, Кэйн, Кир, Эвра, шестеро охраны и двое слуг с поклажей. Не маленький отряд, но и не демонстрация: меньше — заметно, что прячемся, больше — привлекаем внимание раньше времени.

Я выехала за ворота и оглянулась.

Замок стоял как всегда — серый камень, башни, стяг на ветру. Рой у ворот, рядом Лина, оба смотрели вслед. Лис успела вернуться в замок — только её фигура мелькнула в арке и пропала.

Я отвернулась.

Смотреть назад — привычка, которая мешает. Тело едет вперёд, а голова оглядывается — и не понимает, где находится. Лучше сразу смотреть в ту сторону, куда едешь.

Что-то в этом моменте — замок за спиной, открытая дорога впереди — зацепило. Я это чувствовала раньше. Не здесь — в другом мире, в другой жизни. Последнее утро перед отъездом в долгую командировку, рассвет над Москвой, мокрый асфальт под окном. Я выходила с чемоданом, оглянулась на окна своей квартиры — тёмные, уже не мои на несколько недель — и подумала: странно, как быстро место становится своим и как быстро нужно его оставлять. Здесь было то же самое. Только замок стал своим быстрее, чем московская квартира, — и оставлять было сложнее.

Я смотрела вперёд.

Дорога в столицу шла через лес.

Старый, густой — фир и сосна, лиственные деревья редко, только по краям, где было больше света. Снег между деревьями ещё не сошёл — лежал в тени клочками, серый, плотный, апрельский. Земля под копытами вдоль дороги была мягкой, чуть осевшей: первый настоящий тепельный слой, тот, что ночью ещё прихватывает морозом, а к полудню снова отпускает.

Запах был сложным. Хвоя, мокрая кора, лошади — и под этим, глубже, запах самой земли, которая начинала дышать после зимы. Это был апрельский запах, который в средней полосе я помнила с детства. Здесь он был другим — без примеси городского, без бензина, без асфальта. Чище. Острее.

Кэйн ехал рядом молча. Читал пространство — я уже понимала этот его первый дорожный режим. Просчитывал.

Кир чуть позади — бормотал что-то тихо, разбирал в голове своё. Эвра — ровно, прямо, взгляд в одну точку перед собой. Охрана держала позиции: Дэйв в голове колонны, двое по флангам. Мирон — замыкающий, методичный, как человек, который проделывал это тысячу раз.

Лошади шли хорошо. Мир, вороной конь Кэйна, задавал темп — спокойный, уверенный. Остальные за ним. Только в двух местах, где лес подходил совсем близко

и дорога сужалась, один из охранных коней нервно прядал ушами. Инстинкт — узкое место всегда хуже открытого.

Это я отметила. Мельком. И отпустила.

К вечеру добрались до первого постоянного двора.

Стоял на развилке — каменный низ, деревянный верх, кровля потемнела от влаги. Вывеска над входом: медведь с кружкой, краска облезла, морда стала похожа на что-то среднее между волком и собакой. Двор с коновязями, конюшня сзади, из трубы шёл дым — значит, топили и варили.

Хозяин оказался невысоким, с усами и привычкой смотреть на лошадей раньше, чем на людей. Оценил отряд, оценил коней. Решил, что платёжеспособные, — лицо потеплело.

— Комнаты есть, — сказал он. — Три. Ужин через час.

Кэйн снял три комнаты. Сам остался во дворе — поговорить с хозяином. Привычка: узнавать, кто проезжал до нас.

Комната для нас с Эврой была небольшой: две узкие кровати у противоположных стен, маленькое окно на дорогу, глиняная печь в углу. Печь едва тёплая — затопили, видимо, недавно. На подоконнике — сухой стебель чего-то, которое летом было цветком. Потолок низкий; лампа, подвешенная на крюк, давала жёлтый колеблющийся свет и длинные тени.

Эвра устроила вещи и уснула быстро — дорога утомляет больше, чем кажется, пока едешь.

Ужин внизу оказался простым и горячим: корнеплоды с мясом в глиняных горшках, хлеб вчерашней выпечки, но плотный, с хрустящей коркой. Сыр, который хозяйка поставила без слов — как само собой разумеющееся. Кувшин с кислым яблочным питьём. Не московская столовая и не ресторан — что-то посередине. Сытное, без претензий. Марта была бы недовольна, но Марта здесь не была.

Я поела.

Поднялась обратно.

Я устроилась у окна.

Смотрела на огонь в маленьком очаге — он разгорелся как следует, в комнате стало теплее. За стеклом — тёмная дорога, фонарь у ворот трактира, силуэты деревьев. Тихо. Внизу в общей зале ещё шумели голоса, кто-то играл на чём-то струнном, не слишком умело, но живо.

Думала о столе. О человеке в элегантном платье, который двадцать лет улыбался всем нужным людям.

Дверь открылась — тихо. Кэйн. Закрыл за собой.

— Всё спокойно, — сказал он вполголоса, чтобы не разбудить Эвру.

— Садитесь.

Он сел рядом — у окна, как я. Это стало привычкой ещё в библиотеке: рядом, не напротив.

— Как вы? — спросил он.

— Нормально. — Я помолчала. — Странно быть снаружи.

— Снаружи замка?

— Снаружи вообще. — Я смотрела на огонь. — Три месяца я знала каждый камень. Здесь — не знаю ничего. Это первый раз с тех пор, как приехала в замок, когда я снова не понимаю пространства вокруг себя.

— Привыкнете.

— Знаю. — Я повернулась к нему. — Вы боитесь чего-нибудь? В этой поездке.

Он думал секунду — не колебался, именно думал.

— Потерять вас в большом мире, — произнёс он. — Там другие масштабы. В замке я знал, где вы. В столице — нет.

— Я никуда не денусь.

— Знаю. Всё равно боюсь.

— Это взаимно, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

— Вы боитесь потерять меня?

— Я боюсь стать не собой. — Я говорила тихо, чтобы не разбудить Эвру. — Там — аристократия, политика, правила, которых я не знаю. Я хорошо умею быть собой. Это моё лучшее качество. Боюсь, что там это не получится.

Кэйн молчал секунду.

— Получится, — произнёс он.

— Откуда вы знаете?

— Потому что вы были собой с первого дня в замке. Перед двором, перед Варром, перед Дарром. — Последнее предложение он произнёс медленнее — как говорят то, во что верят, а не то, что говорят для утешения. — Вы ударили советника кочергой и не извинились. Столица не страшнее кочерги.

Я засмеялась — тихо.

— Это странное утешение.

— Я не умею утешать красиво.

— Знаю. Поэтому верю.

Мы сидели ещё немного. Огонь догорал. Внизу музыка стихла — играть прекратили или ушли. Только голоса, потом и они стихли.

— Спите, — сказал он наконец.

— Вы тоже.

— Чуть позже.

Он ушёл — в коридор, проверить охрану. Я легла. Закрыла глаза.

Сон пришёл быстрее, чем ожидала.

Нападение случилось на второй день. В полдень.

Дорога здесь сужалась — лес подходил близко с обеих сторон, деревья образовывали что-то вроде коридора. Неудобное место: объехать некуда, скорость снижается, видимость никакая. Это был тот самый участок, где накануне конь в охране нервничал — правильный инстинкт оказался.

Первая стрела прошла над головой передового охранника. Он упал с лошади — не от стрелы, от рефлекса. Умный.

— Стоять! — Дэйн уже разворачивался.

Из леса слева вышли трое. Справа — ещё двое. Пятеро видимых — двигались синхронно, без команды. Тёмное, без знаков. Лица закрыты. Правильные дистанции, правильные позиции.

Лошади нервничали.

Я включила теневое зрение — сразу. Пятеро впереди светились слабо, нейтрально. Не магики. Но — лес по обе стороны не был пустым. В глубине между деревьями, там, куда обычное зрение не доставало, двигались тени — много. Я считала: ещё не менее десяти, неподвижных сейчас, но живых. И выше — в кронах двух елей справа — что-то угловатое, горизонтальное. Арбалеты. Лучники наверху, спрятанные в ветвях.

Пятеро на дороге были лицом. Остальные — аргументом.

— Это не разбойники, — сказала я Кэйну.

Он уже знал — рука была не за оружием, за тенью.

— Кир — Эвру, — произнёс он коротко.

Кир уже двигался.

Один из пятерых шагнул вперёд. Поднял руку — пустую. Голос из-под маски:

— Леди Анна. Лорд Вэрнер. Нам нужно поговорить.

— Говорить с закрытым лицом на перекрытой дороге — странный способ начать разговор, — сказала я.

— Тем не менее.

Дэйн держал руку на рукояти. Охрана рассредоточилась — пра-

вильно, быстро. Шесть человек против пятерых на дороге, плюс Кэйн. На дороге — не наш проигрыш. В лесу — другой счёт.

Я держала теновое зрение включённым. Десять в лесу не двигались — ждали знака. Те, что с арбалетами наверху, тоже. Первая стрела прошла намеренно мимо. Это было предупреждение, не начало боя.

— Кто вас послал? — спросила я.

— Человек, которому не нравится ваша поездка.

— Таких людей много. Уточните.

Говорящий не ответил. Короткий жест в сторону — и пятеро начали отступать обратно в лес. Синхронно. Молча. Тени в деревьях тоже сдвинулись — назад, глубже, пока не растворились за стволами.

— Поворачивайте, — сказал говорящий уже из-за деревьев. — Пока добром просят.

Тишина. Лес. Дорога.

Их не стало — ни на дороге, ни в лесу. Теновое зрение подтвердило: ушли. Быстро и профессионально.

Дэйн выдохнул.

— Профессиональные, — произнёс он.

— Да.

— Не разбойники.

— Нет. — Я выключила зрение. — Нас было двенадцать. Видимых их — пятеро. Реальных — вдвое больше, плюс арбалеты в кронах. Они знали, что один на один не убедят. Пришли числом.

— Значит, знали состав отряда, — сказал Кир. Он уже был рядом, Эвра за ним — бледная, но ровная.

— И маршрут, — добавил Кэйн.

Он молчал — с тем выражением, когда думает и не торопится говорить.

— Едем дальше, — произнёс он.

— Другой дорогой, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

— Другой дорогой, — согласился он.

Мы тронулись. Я оглянулась на лес — пустой, тихий. Птицы, замолчавшие при нападении, начинали возвращаться — сначала одна, потом ещё.

Нас ждали. Знали маршрут. Сайт узнал до того, как мы выехали.

Это значит одно: в нашем окружении есть его человек. И мы не знаем — кто.

Глава 4. Утечка

Новую дорогу нашёл Кир. Он знал её — объездная, на треть длиннее, через маленькие деревни вместо трактовых постоянных дворов. Торговцы и паломники её не любили: грязь весной, узкие мосты, ночевать приходится в домах. Зато людей мало. И перехватить отряд значительно сложнее — слишком много вариантов, где повернуть. — Я ездил этой дорогой два года назад, — сказал Кир. — Выходит к столице с севера, через торговый квартал. Менее заметный въезд. — Сколько добавляет по времени? — спросил Кэйн. — Два дня. — Берём. Мы свернули. Лес расступился, потом снова сошёлся — уже другой, реже. Дорога стала уже. Лошади пошли медленнее. Я ехала и думала. Пятеро на перекрытой дороге, плюс ещё люди в лесу. Профессиональные. Знали маршрут — значит, знали, когда мы выехали и куда направляемся. Первая стрела прошла мимо намеренно. Это было не убийство. Это было: мы знаем, где вы, поворачивайте. Сайт не хотел нашей смерти. Пока. Он хотел, чтобы мы испугались и вернулись. Это говорило о нём кое-что важное: он ещё не решил, как с нами быть. Или решил, но не здесь — не на дороге, не руками безымянных людей в масках. Он аккуратный человек. Двадцать лет аккуратности — это не тактика, это характер. Но это также говорило о том, что у него есть человек рядом с нами. Кто-то, кто знал маршрут. Кто успел передать информацию до того, как мы выехали — или сразу после. Это был неприятный список. — Остановились через три часа. Небольшая деревня — меньше полутора десятков домов, растянувшихся вдоль дороги неровной линией. Дома разные: один крепкий, с каменным основанием и свежей кровлей, остальные постарше, с потемневшим деревом. Колодец на площади — маленькой, почти символической, скорее просто место, где сходились три тропы. Над одной трубой шёл дым, над другой — нет. Местные увидели нас издалека. К воротам крайнего двора вышел пожилой мужчина — коренастый, с руками человека, который работает руками с детства. Смотрел без страха, но без тепла: оценивал. Двенадцать человек с оружием — не разбойники, но и не торговцы. Что-то среднее, требующее осторожности. — Переночевать? — спросил он. — Две комнаты, сено для лошадей, ужин, — сказал Кэйн. — Заплатим справедливо. — За двойную цену. — Хозяин не двинулся с места. — Справедливо — это двойная цена за ночь с такой компанией. — Договорились. Хозяин открыл ворота. С крыльца за нами наблюдала женщина с ребёнком на руках — не с любопытством, с осторожностью. В окне соседнего дома мелькнуло лицо и пропало. Трое детей чуть постарше остановились посреди площади и смотрели на лошадей — Мира особенно, вороной конь любого ребёнка остановит. Никто к нам не подошёл. Деревня нас терпела, но не принимала. Это было нормально. Охрана устроилась в сарае — Дэйн расставил людей, убедился, что вооружены, проверил, что к сараю есть хороший обзор двора. Лошадей расседлали. Эвра ушла внутрь — молчаливая, с плотно сжатым ртом. Нападение осталось в её лице, хотя она не говорила об этом. Я осталась у колодца. Кир подошёл через пять минут — я слышала шаги, не обернулась. — Думаете об утечке, — сказал он. — Да. — Я тоже. Он встал рядом. Площадь пустела — местные разошлись по домам, будто дав нам понять: вы здесь, мы здесь, это два разных «здесь». Только собака неторопливо пересекала пространство между колодцем и противоположной улицей, занятая своими делами. — Список короткий, — сказал Кир. — Кто знал маршрут? — Все, кто ехал. — Я думала вслух. — Плюс те, кому мы говорили в замке. Дэйн планировал охрану. Рой организовывал лошадей, слышал, когда выезжаем. Лис собирала вещи, знала дату. Марта — та знает всё, мы уже установили. — Марта — исключено, — сказал Кир. — Дэйн тоже. — Рой? — Я подумала. — Рой три месяца назад был

человеком Варра под принуждением. Сестра в заложниках. Сейчас сестра свободна, Варр под стражей. Мотив убран. — Я смотрела на воду в колодце. — Но новый мотив мог появиться. Не исключаем.

— Или Сайт нашёл человека из охраны, — сказал Кир. — Дэйн набирал их, но за месяц до выезда — времени у Сайта хватало.

— Дэйн проверял каждого.

— Проверял хорошо. Сайт работает тоньше.

— Это было правдой. Я кивнула.

— Ещё вариант. — Кир говорил методично. — Утечка не в замке. В столице. Когда мы запрашивали комнаты при дворе и регистрировали официальный визит — это стандартная процедура, три недели до выезда. Если у Сайта человек в канцелярии двора, он знал наш маршрут ещё до того, как мы его утвердили сами.

— Я посмотрела на него.

— Это хуже.

— Да. Потому что в этом случае — мы не можем закрыть утечку. Пока мы в дороге, у него есть информация.

— Значит, меняем не только дорогу, — произнесла я.

— Что именно?

— Легенду. — Я думала. — Официальный визит на суд. Дата прибытия. Место размещения. Всё, что регистрировали заранее — он знает. Нам нужно приехать не тогда и не туда, где нас ждут.

— Кир помолчал.

— Это сложно. У Кэйна официальный статус. Его прибытие при дворе регистрируется автоматически — стражник у ворот, запись в журнале.

— Если войдём через торговый квартал — там другие журналы. Другие стражники.

— И другой советник дежурит, — произнёс Кир. Понял, куда я веду. — Въехать через торговый квартал и не регистрироваться официально — сутки, может двое. Потом всё равно нужно объявиться. Но двое суток — это окно.

— У вас есть в столице кто-то надёжный?

— Один, — сказал Кир. — Из старых Стражей. Давно там живёт, знает дворцовый квартал лучше официальных агентов.

— Напишите ему сегодня ночью.

— У деревенского старосты должна быть голубятня. Деревни на этом тракте пользуются ею для связи с городом. — Он поднял взгляд от колодца. — Скажете Кэйну?

— Сейчас.

--- Кэйна я нашла не в доме.

— Он был у коновязи — расседывал Мира сам, хотя слуги предлагали свою помощь. Конь стоял спокойно, только потянул голову навстречу: узнавал.

— Я подошла. Рассказала — пока Кэйн работал руками, перекладывал седло, проверял подпруги. Он слушал без комментариев, не прерывал. Это его способ слушать важное: закончить дело, потом говорить.

— Въезд через торговый квартал, — произнёс он, когда я замолчала. Не вопрос.

— Да. Кир знает дорогу.

— Двое суток без регистрации. — Он отошёл от коня, вытер руки. — Это нарушение протокола.

— Это работает в нашу пользу. Официальный статус появится, когда мы будем готовы его объявить.

— Кэйн смотрел в сторону — туда, где сарай с охраной, где горел один фонарь и слышались негромкие голоса.

— Ваша идея?

— Наша. Кир предложил въезд, я предложила окно.

— Хорошо. Но одно условие. — Он повернулся ко мне. — Пока в столице без официального статуса — никаких встреч с людьми Сайта. Никакого контакта с двором. Двое суток — только разведка.

— Разведка и есть работа.

— Вы понимаете, что я имею в виду.

— Понимаю. Договорились.

— Мир тихо переступил за нашими спинами — устраивался. Над сараем светлел один фонарь, остальной двор был тёмным.

— Кэйн, — произнесла я.

— Да.

— Те люди на дороге не хотели убивать. Это было предупреждение.

— Знаю.

— Значит, у Сайта есть другой план. Он думает, что может нас остановить иначе. — Я смотрела не на него — на фонарь над сараем. — Скорее всего, в столице предложит сделку. Информацию о том, почему я здесь — в обмен на что-нибудь.

— На дар.

— Да. Ему нужна теневая магия — канал. Орден уничтожен, Дарр под стражей, других источников нет. — Я говорила ровно. — Предупреждаю заранее. Потому что это будет давление именно на то, что важно для меня.

— Я понимаю.

— И то, что важно для меня — не настолько важно, чтобы платить его ценой. Это тоже заранее.

— Кэйн молчал секунду. Конь за нашими спинами выдохнул — тихо, с усилием.

— Почему вы мне это говорите?

— произнёс он. — Чтобы знали логику, когда увидите. — Знаю логику, — сказал он. Голос у него стал ровнее — не холоднее, именно ровнее, как говорит человек, принявший решение. — И верю вам. — Почему так быстро? — Потому что предупредили. — Он посмотрел на меня. — Люди, которые собираются сделать что-то не то, не предупреждают заранее. Я думала об этом секунду. — Это логично. — Иногда бываю. В последней фразе было что-то тихое и сухое — не насмешка, его версия юмора. Редкая. Я засмеялась едва слышно. Он не засмеялся — но губы чуть сдвинулись. — Пойду к Дэйну, — сказал он. — Про утечку в отряде. Он должен знать. — Хорошо. Он ушёл в сторону сарая. Я осталась у коновязи — с конём и темнотой и фонарём, который дрожал в тихом ветру. — Утром Дэйн собрал охрану. Не для объявлений — для перестройки. Двое теперь ехали далеко впереди: разведка. Двое замыкали. Двое по флангам, ближе, чем вчера. — Вчера был беспорядок, — произнёс он. — Сегодня будет порядок. Никто не возражал. Потом — уже тихо, пока люди седлали лошадей, — Дэйн подошёл к Мирону. Сказал несколько слов. Мирон кивнул без вопросов: человек военный, понимает, когда слова не нужны. Я заметила, что в течение следующего часа Мирон и Ант оказывались в разных частях отряда, но таким образом, что один из них видел каждого из шестерых охранников всё время. Нарочито небрежно, без паттерна — но всё время. Дэйн не сказал мне ничего об этом. Я не спрашивала. Я смотрела на лица своих охранников, пока они седлали. Мирон работал методично: каждое движение на месте, без лишних. Движения человека, который сотни раз делал одно и то же и перестал их замечать. Ант — быстрее, немного суетился — не от страха, от возраста. Молодые так работают, когда хотят казаться опытнее. Братья Лен и Лерр — одинаковые, пока не начинали двигаться: один левша, другой нет. Левша проверял подпругу трижды. Правша — дважды. Разница заметная, если знаешь, куда смотреть. Сарт — высокий, молчаливый — расседлал и оседлал своего коня быстрее всех. Потом стоял и ждал. Просто стоял. Ни с кем не разговаривал, ни на кого не смотрел лишний раз. Вейн — средний рост, незаметная внешность — работал ровно. Без суеты, без нарочитого спокойствия. Просто делал своё дело. Ровно. Три года работы с мёртвыми учат одному: не бывает «просто ровно» после того, как рядом стреляли стрелы.

Кто-то нервничает, кто-то злится, кто-то гасит. Но никто не бывает просто ровным — если только не знал заранее, что будет нестрашно. Я не говорила об этом вслух. — На привале я нашла Кира. Он сидел у обочины с куском хлеба и картой — бумажной, с пометками от руки. — Письмо ушло? — Ушло. Голубь был у старосты. Ответ придёт к следующей деревне — там тоже голубятня. — Он сложил карту. — Нужна помощь с другим? — Да. — Я присела рядом. — Люди охраны. Вы наблюдатель. Есть кто-то, кто вёл себя не так? Кир думал — по-настоящему думал, не просто вспоминал. — Несколько моментов, — произнёс он наконец. — Не один человек. Несколько. — Рассказывайте. — Вейн. — Он говорил методично. — Вчера после нападения не реагировал ничем. Ни облегчения, ни напряжения. Когда мы меняли дорогу — первым пересел на позицию, с которой видно меня и Кэйна одновременно. Это может быть хорошая охранная выучка. Но может быть — другое. — Продолжайте. — Ант. — Кир чуть прищурился, вспоминая. — Нападении, когда отходили. Он посмотрел назад, в лес, дважды. Не туда, где были нападавшие. В другую сторону. По обочине — туда, откуда мы ехали. — Пауза. — Может, нервничал. Может, проверял. — Ещё? — Сарт. — Кир помолчал. — Ничего конкретного. Просто — слишком спокойный. После нападения — как будто ничего не случилось. — Он поднял взгляд. — Я записал по памяти три имени. Это не вывод — это наблюдения. — Хорошо. — Я встала. — Наблюдайте дальше за всеми тремя. Ничего не предпринимайте — только смот-

рите.
— Всегда только смотрю, — сказал Кир.
— Знаю. Поэтому и прошу.

К вечеру второго дня дорога вышла из леса.
Открылось пространство — холмы, пологие, уже без снега. Поля с прошлогодней стернёй, ещё не паханные. И на горизонте, в вечернем свете: силуэт города. Плотный, высокий — башни, шпили, дым от множества труб, огни, которые начинали зажигаться в ранних сумерках.
Столица.
Я смотрела.
В моей прошлой жизни я въезжала в Москву много раз — с разных сторон, в любое время. Привыкла. Большой город — это просто большой город: шум, запахи, темп, который подхватывает.
Здесь что-то другое. Может, потому что впервые. Может, потому что кто-то там знал, что мы едем — но не знал, что уже здесь.
— Первый раз? — спросил Кэйн.
— Да.
— Как?
— Большое, — сказала я.
— Там другие масштабы. — Он смотрел вперёд — не на город, на дорогу к нему. — Я предупреждал.
— Предупреждали.
— Готовы?
Я смотрела на огни внизу.
Советник Сайт — где-то там, за одним из этих окон. Двадцать лет чистых рук, двадцать лет правильных слов. Думает, что знает, когда мы приедем.
Не знает.
— Готова, — сказала я.
Мы двинулись вниз.
Кир ехал чуть позади. Дэйн — в голове. Я не оборачивалась, но чувствовала: кто-то в колонне, пока мы спускались к городу по сужающейся дороге, смотрел на ориентиры. Не на пейзаж — на конкретные точки. Развилка с кривой елью. Постоялый двор с выбитой вывеской. Три камня у моста, сложенные как столбик.
Детали, которые видят, когда заранее знают, куда смотреть.
Я ещё не знала, кто именно. Но кто-то смотрел именно так — и это было уже не предположение.

Глава 5. Торговый квартал

Столица давала о себе знать за час до ворот.

 Сначала — люди. Дорога начала плотнеть: телеги, пешие, верховые. Чем ближе к городу, тем меньше промежутков между ними, тем громче. Потом — запах. Не тот абстрактный «запах города», который везде одинаковый. Конкретный. Дым с кожевенного производства — кислый, въедливый, с западной стороны. Запах реки с восточной — рыба, ил, что-то речное и холодное. Посередине — жильё: горящие очаги, варёное зерно, прогретый камень. И под всем этим, базовым — что-то специфически столичное, что я не умела бы назвать точным словом. Москва пахла похоже. Только там добавлялись выхлоп и асфальт — здесь вместо них был старый камень и дерево, тысячелетия торговли, осевшие в самой земле.

 Над крышами предместий, ещё за воротами, я увидела купол.

 Большой, медный, позеленевший от времени — он торчал над линией горизонта, как ориентир, как точка притяжения. Имперский дворец. Цель была видна ещё до того, как мы въехали.

 — Тихо, — сказал Кэйн.

 Не замечание. Команда. Отряд перестроился: оружие убрать, плащи поверх знаков отличия, ехать как торговцы. Дэйн выполнил без слов — он получил инструкцию накануне и работал по ней без лишнего.

 Торговые ворота оказались именно такими, какими их описывал Кир: широкие, шумные, без парадности. Стражники проверяли всех вяло — товары, лошадей, лица. На нас посмотрели, пересчитали, спросили, откуда и зачем. Кир ответил — спокойно, с правильным акцентом провинциального торговца: везём сукно с севера, ищем оптовика в квартале суконщиков.

 Нас пропустили.

 Я выдохнула. Первое.

 Торговый квартал жил своей жизнью.

 Центральный бульвар шёл от ворот прямо, потом разветвлялся. По обе стороны — гильдейские дома: красный кирпич, узкие высокие окна, над каждым входом герб — чья-то гильдия, чья-то монополия на этом квартале улицы. Кожевники, суконщики, бронзовых дел мастера. У каждого дома свои вывески, свои зазывалы, своя территория мостовой перед входом.

 Шум был многослойным. Снизу — стук колёс по брусчатке. Над ним — голоса, смешанные так, что отдельные слова не различить, только тон. Где-то в переулке левее непрерывно работал молот — по металлу, ритмично, как метроном. За углом справа — мельничное колесо на узком канале, его плеск слышался даже через общий гул.

 Запах тут был уже другим, чем у ворот. Ближе, конкретнее. Горячий воск с мастерской свечников. Кислое от бочки с квашеной капустой у какого-то лотка. Дым жаровни с каштанами — первой в этом году, судя по тому, как вокруг неё собрались.

 Кир вёл нас уверенно — через три переулочка и два поворота, мимо лавки с медными изделиями, мимо двора с поленницей до самой крыши, мимо кошки, сидящей в окне второго этажа с видом владелицы всего квартала. Постоялый двор с якорем оказался в торце тупика — неприметный вход, вывеска кривовато прибита, якорь на ней облупился с одной стороны.

 Внутри всё выглядело правильнее, чем снаружи.

 Хозяин — широкий, с бритой головой и длинным белым шрамом от левой скулы до нижней челюсти — поднял на нас взгляд и опустил обратно. Не с равнодушием. Просто с профессиональным отсутствием любопытства: за годы работы такой человек видел всякое и давно перестал спрашивать. Это была нужная черта.

 Пол в общем зале — каменный, не дощатый, с вытертой серостью булыжника. Потолок низкий, с тёмными балками. Пахло старым пивом, древесным дымом и чем-то пряным — то ли сбитнем, то ли остатками какого-то зимнего напитка, который так и не допили.

 Четыре комнаты, конюшня, ужин. Кэйн заплатил вперёд. Хозяин убрал деньги в пояс и ушёл.

 В комнате собрались пятером — я, Кэйн, Кир, Эвра, Дэйн.

 Комната была небольшой: две кровати, стол, окно в переулок. Из переулка доносилось бормотание — двое о чём-то негромко спорили у стены напротив. Не слушала. Смотрела на своих.

 — Двое суток, — сказал Кэйн. — Потом официальная регистрация.

— За двое суток нужно многое успеть, — сказал Кир.

 — Что именно? — спросила Эвра.

 Она держалась — всю дорогу держалась ровно, несмотря на нападение и смену маршрута. Три года в замке под постоянным страхом закаляет по-своему.

 — Контакт Кира в городе, — сказала я. — Ответ на письмо пришёл?

 — Пришёл. — Кир достал записку. — Готов встретиться. Сегодня ночью, в квартале суконщиков.

 — Хорошо. — Я посмотрела на Дэйна. — И нам нужно разобраться с нашим неочевидным вопросом.

 Дэйн кивнул — понял без имён.

 — Как? — спросил он.

 — Дайте ему информацию. Намеренно ложную. Что-то конкретное — время, место, встреча. Посмотрите, появится ли кто-нибудь.

 — Ловушка, — произнёс Дэйн.

 — Проверка. Разные вещи. Ловушка — когда хотите поймать. Проверка — когда хотите убедиться. — Я смотрела на него. — Если никто не появится — либо чист, либо осторожен. Если появится — у нас есть ответ.

 — Если осторожен — первая проверка ничего не даст, — сказал Кир.

 — Именно. Поэтому делаем две. — Я посмотрела на Дэйна. — Сегодня вечером — первое. Что-нибудь умеренное: деловая встреча, время и место. Посмотрим. Если ничего — через сутки второе, более ценное.

 — Два раза — убедительнее, — согласился Кир.

 Дэйн кивнул.

 — Сделаю.

 Ночная встреча с контактом Кира прошла в маленькой каморке над лавкой суконщика.

 Нас было трое — я, Кир, Кэйн. Дэйн остался на постоялом дворе: наблюдать. Эвра — с охраной.

 Контакт Кира звался Феном. Пожилой, небольшой, с цепкими глазами и въевшейся привычкой сидеть так, чтобы дверь была в поле зрения — я заметила это ещё прежде, чем он заговорил. Сама сижу так же, только в другом смысле: у меня это спиной к стене и выходы по краям. У него — дверь чуть левее. Разные профессии, одна суть.

 — Слышал, что вы едете, — сказал он Киру вместо приветствия. — Ещё неделю назад.

 — От кого?

 — От людей, которые следят за дворцовой канцелярией. — Фен посмотрел на Кэйна, потом на меня. — Официальный запрос на размещение при дворе — не остаётся незамеченным. Если знать, на что смотреть.

 — Сайт знал, — сказала я.

 — Через два часа после того, как запрос поступил в канцелярию. — Фен сложил руки на столе. — У него там человек. Давно. Я пытался установить кто — не вышло.

 — Значит, утечка была в столице, не в замке, — сказал Кэйн.

 — Да. — Фен посмотрел на меня. — Про нападение на дороге знаю. Его люди вернулись позавчера ни с чем. Он не доволен, но не паникует.

 — Почему?

 — Думает, что вы приедете через официальные ворота по расписанию. Знает дату и место прибытия.

 — А мы уже здесь.

 Фен посмотрел на меня — внимательно, без улыбки.

 — Да, — произнёс он. — И у вас двое суток.

 — Расскажите про Сайта, — сказал Кэйн. — Всё, что знаете.

 Фен рассказывал долго.

 Я слушала и укладывала по полкам. Связи Сайта при дворе — обширные, безграничные. Три советника ему обязаны: двое по карьерным вопросам, один по делу, замятому десять лет назад. Стражники его уважают — всегда вежлив, помнит имена, никогда не орёт. Слуги — боятся. Не явно. Просто обходят лишний раз.

 Семья: вдовец, двое взрослых детей в провинции, к делам не приближены. Резиденция — в дворцовом квартале, три минуты от императорского крыла. Личная охрана — четверо, опытные.

 — Магия? — спросила я.

 — Об этом не говорят вслух. — Фен помолчал. — Но я однажды видел: он поднял руку — и человек, который стоял перед ним, перестал спорить. Сразу. — Пауза — настоящая, он подбирал слово. — Может, совпадение.

 — Нет, — сказала я. — Он использует накопленные дары. Чужая магия в чужих руках нестабильна — иногда точнее, чем нужно, иногда мимо. Это важно знать при контакте с ним.

 — Учу. — Фен кивнул.

 Говорили ещё час. Я спрашивала, он отвечал. Кэйн молчал и запоминал. Кир уточнял по мелочи.

 Когда вышли, торговый квартал притих. Только далеко лаяла собака. Над крышами — медный купол дворца, черноватый в ночном небе.

 — Завтра, — сказал Кэйн, — официальную регистрацию не форсируем. Ждём. — Он смот-

рел вперёд — не на купол, на тёмные улицы перед ним. — Пусть думает, что мы приехали по расписанию. Пусть всё выглядит нормально — пока не перестанет.
 — Он придёт сам, когда узнает, — сказала я.
 — Знаю.
 Утром Дэйн доложил — коротко:
 — Первая проверка. Ничего.
 — Что именно говорил? — спросил Кир.
 — Сказал Вейну: завтра утром к торговцу тканями за квартал отсюда. Назвал дом, время.
 — И?
 — Никого не было. Сам проверил.
 Я посмотрела на Кэйна. Он кивнул.
 — Либо чист, либо осторожен, — сказал Кир.
 — Либо информация недостаточно ценная, — добавила я. — Профессиональный агент не будет дёргаться ради каждого слова. Сохраняет движения для важного. — Я посмотрела на Дэйна. — Второй раз. Вечером. Что-нибудь конкретнее: скажи, что мы нашли человека из сети Сайта, готового говорить. Место встречи и время.
 — Понял. — Дэйн встал. — Место назначить?
 — На ваше усмотрение. Где удобно наблюдать.
 Он ушёл — Дэйн работал быстро, без промедлений.
 Второй день в торговом квартале прошёл в работе.
 Кир ходил по своим каналам — говорил с людьми, которых я не видела, но чьи имена появлялись потом в его коротких отчётах. Фен передал список связей Сайта при дворе. Я читала, Кэйн читал. Сравнивали с тем, что знали уже.
 К вечеру у меня были три имени из внутреннего круга Сайта — советники, которым он что-то должен или которые должны ему. Это была карта для работы.
 Дэйн вечером сказал Вейну о человеке из сети ордена, готовом говорить. Место — переулок у мельничного канала, до рассвета.
 Ночью Дэйн не спал.
 Я тоже — сидела с бумагами и слышала, как он время от времени выходил и возвращался.
 В четыре утра он постучал в дверь комнаты Кэйна. Я слышала через стену — короткий разговор, потом тишина.
 Утром Дэйн сказал нам:
 — Был человек. Стоял у канала. Ждал. — Он говорил коротко, без лишнего. — Ушёл, когда понял, что никого не будет.
 — Вейн, — произнёс Кэйн.
 — Или тот, кому Вейн передал. — Дэйн смотрел прямо. — Человек незнакомый. Но пришёл ровно туда.
 — Не трогайте его пока, — сказала я.
 Все посмотрели.
 — Он думает, что работает, — сказала я. — Это полезно. Управляемая утечка. Можем давать ему то, что хотим, чтобы Сайт получил.

Логично, — сказал Кэйн.
 — Дэйн, — сказала я. — Вейн остаётся. Ведёте себя как обычно. Никакой реальной информации — только то, что решаем дать.
 — Понял.
 Официальная регистрация прошла в полдень.
 Дворцовые ворота — другие. Парадные, с гербами, с двумя стражниками в форме у каждой створки. Дежурный чиновник за столом в привратной будке — с журналом, с пером, с выражением человека, для которого эта процедура давно стала второй природой.
 — Лорд Кэйн Вэрнер, Король Теней. — Он записывал, не поднимая взгляда. — С официальным визитом на суд по делу ордена Хранителей Равновесия.
 Потом посмотрел на меня.
 — Анна Фэйр, — сказала я. — Страж Границы замка Вэрнер. С официальными полномочиями по делу ордена.
 Записал. Тщательно.
 — Вас проводят к представителю Его Императорского Величества. Комнаты подготовлены в восточном крыле.
 Нас повели внутрь.
 Первый коридор дворца я запомнила иначе, чем ожидала.
 Не потому что он был особенно длинным или богатым. Потому что по всей правой стене от входа до поворота шло одно полотно — не несколько картин, а одна непрерывная. Сцена битвы. Поле, тысячи фигур, слои дыма и знамён. Краска кое-где потемнела от времени, в одном месте реставрировали — было видно, что штрих другой, чуть светлее. Я шла и не могла отвести взгляд. Успела насчитать четыре разных армии по цветам знамён.
 Потом коридор повернул, и полотно кончилось.
 Пол здесь был мраморный — не тёплый и не холодный, средний. Шаги звучали иначе, чем на улице. Выше, суше. Запах — воск и старый камень. Где-то впереди — голоса, далёкие, неразборчивые.
 Люди встречались постоянно. Все куда-то шли, у всех было своё дело. Придворные с бумагами, слуги с подносами,

военные парами. Никто на нас не смотрел — или смотрел так, чтобы это не было заметно.

 Я шла и отмечала: выходы, посты охраны, как меняется поток людей у каждого перехода.

 Теневое зрение не включала. Здесь это было бы неуместно — слишком плотно, слишком много народу. Просто смотрела.

 Представитель императора ждал в небольшом зале.

 Немолодой, с усталым лицом профессионального чиновника — из тех, кто видел много важных людей и давно перестал им удивляться. Любезности, рукопожатие, несколько фраз о важности дела. Кэйн отвечал правильными словами, я молчала: в официальных встречах он говорит, я наблюдаю.

 — Слушания по делу Дарра возобновятся через три дня, — сказал представитель. — Его Императорское Величество рад, что замок Вэрнер представлен лично.

 — Дело касается замка напрямую, — произнёс Кэйн.

 — Разумеется. Если у вас есть пожелания по встречам до слушаний — сообщите.

 — Благодарю.

 Официальная часть — двадцать минут. Потом нас оставили.

 Комната для меня выходила окном на дворцовый двор.

 Большой, открытый. Фонтан в центре — не работающий, апрель. Люди ходили по периметру, разговаривали, сидели на скамьях. Обычная дворцовая жизнь, которая казалась здесь единственно возможной.

 Где-то в этой жизни был человек, который уже знал, что мы приехали. Читал утренний журнал регистрации — или получил его от кого-то, кто читал.

 Я это почувствовала — не магией. Просто ощущение взгляда, которое приходит раньше, чем понимаешь его причину. Я повернулась.

 В дверях стоял мужчина.

 Лет шестьдесят. Высокий, прямой, в тёмном без лишних украшений. Лицо — с глубокими морщинами у глаз от привычки думать, а не смеяться. Он смотрел на меня с вежливой улыбкой, но взгляд шёл по-другому — лицо, потом руки, снова лицо. Не то движение глаз, которое бывает при знакомстве. То, которое бывает, когда изучают функцию, а не личность.

 Я это заметила за секунду. Держала ровно.

 — Леди Анна, — произнёс он. — Прошу прощения за вторжение. Дверь была приоткрыта. — Небольшая пауза. — Я Веран Сайт, советник Его Императорского Величества. Хотел поздравить лично.

 — Лорд Сайт, — сказала я. — Рада знакомству.

 Улыбка чуть расширилась.

 — Я тоже, — произнёс он. — Я очень рад.

 И поклонился — аккуратно, без лишнего. Развернулся. Ушёл.

 Я смотрела на пустые двери.

 Он знал, зачем пришёл. Я знала, зачем он пришёл. Мы оба это знали — и оба сделали вид, что это просто первое знакомство.

 Значит, условия понятны.

 Игра началась.

Глава 6. Двор

Эвра помогла выбрать платье.

 Она делала это спокойно, без лишних слов — открыла дорожный сундук, посмотрела, взяла нужное. Тёмно-синее, почти сапфировое, с серебряной нитью по вороту и манжетам. Крой строгий — прямая линия плеч, высокая талия, без лишнего объёма. Ткань — шерстяной батист, тонкий, но не лёгкий. Такое платье держит форму само, не требует, чтобы ты его держала.

 — Этот цвет правильный, — сказала Эвра. — При дворе ярко — значит, хочешь внимания. Блёкло — значит, не уверена в себе. Синее на тёмном — нейтрально и читается как: я здесь, но не для вас.

 — Я именно так и хочу.

 — Тогда — это.

 Я надела. В зеркале у окна отражался человек, которого я почти не знала — в правильном платье, с правильной осанкой. Не незнакомый, но другой. Не Аня из архива с кружкой. Аня, которая идёт на ужин к аристократам.

 — Серебро на волосах уберите, — произнесла Эвра. — Скромнее. Вы не украшение — вы должность. Это должно читаться в первые пять секунд.

 Я убрала.

 Зал был именно таким, каким я его представляла.

 Высокие потолки — кессонные, с тёмными балками и лепниной по краям. Три ряда свечей в люстрах: нижние горели, средние — через одну, верхние не зажигали вовсе, и потолок уходил в полутьму, откуда свет не возвращался. По стенам — портреты. Не один, как в коридоре, а множество, разных размеров, в рамах от тёмного ореха до вызолоченного. Люди на портретах смотрели на зал с одинаковым выражением — ровным, оценивающим, которое передаётся по наследству вместе с фамилией.

 Стол был длинный, человек на семьдесят. Расстановка приборов — не симметричная, а по статусу, который здесь все знали и который мне никто не объяснял. Запах — горящий воск и мясной соус, что-то с пряностями, белое вино в кувшинах.

 Подавали первое — бульон в неглубоких тарелках, прозрачный, с зеленью. Такой горячий, что над каждой тарелкой поднимался пар. Потом — птица с соусом из красных ягод, кисловатым, с привкусом можжевельника. Хлеб приносили отдельно, горячий, с маслом в фарфоровых блюдах. Вино лёгкое — столичное, с кислинкой, которая означала молодость выдержки.

 Я ела и наблюдала.

 Люди вокруг.

 Кэйн рядом — другой, как я уже видела накануне. Не мягче, не жёстче: двор его боялся и уважал, это чувствовалось в том, как к нему подходили. Правильный угол, правильная дистанция, правильное количество слов.

 Эвра чуть левее, через одного — водила по залу взглядом, который видел не общую картину, а детали. Я это замечала: она останавливалась на конкретных лицах, чуть дольше, чем вежливость требует.

 С правой стороны от меня сидела женщина лет пятидесяти — в зелёном, с тяжёлыми браслетами на обоих запястьях. Леди Рин, как шепнула Эвра ещё при входе, — жена советника, которому Сайт помог с должностью. Леди Рин в течение первых двадцати минут ни разу не произнесла имя Сайта, хотя разговор несколько раз подходил близко. Не называла — намеренно. Это было информацией.

 — Вы впервые на большом приёме? — спросила она меня между блюдами. Голос любезный, взгляд — острый, горизонтальный. Тот взгляд, который оценивает и этого не скрывает.

 — Впервые здесь, — сказала я.

 — Это заметно. — Она взяла бокал. — Вы смотрите на стены, а не на людей. Здесь нужно наоборот.

 — Я привыкла работать с документами, — произнесла я. — Там тоже смотришь на детали.

 Леди Рин чуть подняла бровь — не неодобрительно. Скорее с тем выражением, с которым отмечают неожиданный ответ.

 — Страж Границы, — произнесла она. — Это необычно для женщины.

 — Да, — согласилась я.

 Она ждала продолжения. Продолжения не последовало.

 В середине ужина с дальнего конца стола поднялся пожилой мужчина — граф что-то, Эвра называла, но имя я не запомнила. Произнёс тост. Длинный, цветистый, с тремя поворотами на «позвольте также отметить». Все выпили. Он сел. Тост был ни о чём.

 Справа от

Кэйна сидел человек лет тридцати пяти — светловолосый, с манерой говорить вполголоса и наклоняться к собеседнику. Я видела, как он несколько раз в течение ужина спрашивал что-то у Кэйна — тот отвечал коротко, без поворота головы. Светловолосый кивал, записывал что-то в памяти — я видела это движение: когда человек запоминает, он ненадолго опускает взгляд в тарелку. Потом поднимает. Нейтральное лицо.

Он говорил не с Кэйном — он собирал.

Я не знала, на кого работал.

Запомнила лицо.

После подачи второго блюда Эвра наклонилась ко мне.

— Видите ту женщину в бордовом у дальнего окна? — Эвра говорила тихо — не шёпотом, не торопливо, с лёгкой горечью в конце каждой фразы, как говорят о людях, которых знают слишком давно. — Это советница Крин. У неё младший брат работал на Сайта по торговым делам — неофициально. Крин это знает. Крин делает вид, что не знает. — Короткая пауза — она нашла слово. — Это здесь очень распространённая позиция.

— И все остальные тоже знают, что она делает вид?

— Разумеется. — Эвра чуть повернулась, будто смотрела на что-то за моим плечом. — А она знает, что знают. Это называется двор.

Бордовая Крин в этот момент смеялась над чем-то, сказанным соседом. Смех был лёгкий, правильной громкости. Глаза при этом оставались внимательными.

— А вон тот, у колонны? — Эвра не кивала — только взгляд. — Советник Таррен. Самый безопасный человек в зале — он боится всех одновременно и поэтому ни с кем не связывается. От него можно услышать правду, только если поставить его в ситуацию, когда лгать ему страшнее.

— Как это сделать?

— Дать понять, что вы знаете что-то, чего он не знает, и это навредит ему, если он промолчит. — Она отпила вина. — Это работает почти всегда. Труссы очень предсказуемы.

— Вы ещё что-то знаете про него?

— Про него — немного. У него жена из северных провинций, которую он не видел три года. Деньги он берёт у Сайта. Это значит — связан, но не счастлив.

Голос Эвры в этих разговорах был другим, чем в замке. Там она говорила осторожно, взвешивала. Здесь — легче, но с той особенной горечью человека, который вырос в этом и не вполне простил ему этого.

— Вы здесь росли, — сказала я.

— Да. — Она слегка поджала губы. — Это как знать язык, который не любишь.

Сайта я увидела примерно через полчаса после начала ужина.

Он стоял у дальней стены — в группе, разговаривал, смеялся над чем-то. Обычный советник на обычном ужине. Ни один человек в зале не смотрел на него с подозрением.

Двадцать лет. Двадцать лет он строил это — каждый человек в этом зале кирпич в его репутации. Никто не видел кладку.

Он посмотрел на меня — через весь зал, поверх голов. Кивнул. Чуть улыбнулся.

Я кивнула.

Рука Кэйна рядом — та, что лежала на столе — сжалась на секунду.

— Вижу его, — сказал он тихо.

— Я тоже.

Вечер продолжался.

После ужина я оказалась в галерее.

Не специально — просто вышла раньше, пока зал ещё не начал расходиться. В галерее было тихо. Длинный коридор с высокими окнами на одну сторону — сад внизу, тёмный, апрельский, с факелами по периметру дорожки. По другую сторону — снова портреты, только другие. Этих я не видела раньше: женщины в сложных причёсках, дети при полном параде, один старик, нарисованный с пером в руке и с очень живыми глазами. Кто-то умел писать здесь людей.

Шаги сзади. Я не обернулась.

— Интересная галерея.

Голос я уже знала. Не торопилась.

— Да, — согласилась я.

Эвра встала рядом. Молчала секунду — смотрела на старика с пером.

— Канцлер Веррин, — произнесла она. — Умер лет сорок назад. Говорят, написал три тысячи писем за жизнь и ни одного не подписал своим именем. — Она немного помолчала. — Здесь любят таких. Тех, кого много и кого не видно.

— Сайт такой.

— Да. Только он ещё жив.

Мы шли по галерее. Голоса из зала доходили сюда приглушённо — как будто зал существовал в другом слое, мягком и далёком.

— Вам тяжело здесь? — спросила я.

Эвра подумала — не для того, чтобы выбрать слово, а по-настоящему.

— Раньше — нет. Это

было просто жизнь. — Она смотрела на очередной портрет, не видя его. — Сейчас — немного. Потому что теперь я вижу, что это такое. — Она повернулась ко мне. — Замок лучше. Там люди настоящие.

 — Люди здесь тоже настоящие, — произнесла я. — Просто они научились быть несколькими сразу.

 — Это вы называете настоящим?

 Я подумала.

 — Это я называю сложным, — сказала я. — Не одно и то же.

 Эвра смотрела на меня секунду. Потом чуть кивнула — медленно, как человек, принимающий то, что не вполне совпадает с его мнением, но признаёт правоту.

 Кэйн нашёл меня уже в нашей комнате.

 Я переоделась — долой правильное платье, которое держит форму само, обратно в то, что просто удобно. Сидела у стола с блокнотом: писала имена, которые запомнила за ужин. Леди Рин, её браслеты и её способ не называть имён. Светловолосый справа от Кэйна с его памятью вместо бумаги. Советница Крин с братом на услугах Сайта. Советник Таррен, который боится всех.

 Кэйн вошёл, закрыл дверь.

 — Как ваши впечатления? — спросил он.

 — Нужно будет поговорить с Таррен. — Я не отрывала пера. — Эвра говорит, что трусы предсказуемы, если правильно поставить.

 — Она права.

 — И светловолосый справа от вас — запоминайте его лицо. Он собирал информацию.

 — Я заметил, — произнёс Кэйн. — Лорд Вен. Работает на трёх хозяев одновременно, по слухам.

 — Сайт один из трёх?

 — Вероятно.

 Я дописала имя. Закрывала блокнот.

 — Кэйн, — сказала я.

 — Да.

 — Мне нужна встреча с Дарром.

 Он смотрел на меня.

 — Он в имперской тюрьме. Режим строгий.

 — Я официальное лицо. Страж Границы.

 — Это не даёт доступа к заключённым.

 — Тогда нужно, чтобы дал. — Я смотрела на него прямо. — Дарр говорил со мной в замке. Он выбрал, кому говорить. Скажет снова — если правильно попросить. — Я помолчала. — Он знает что-то про Сайта. Про то, откуда он знает о Пряхе. Это важно.

 Кэйн думал.

 — Подаю запрос через официального представителя. Как сторона по делу ордена — у замка Вэрнер есть основания. — Пауза — короткая, рабочая. — День-два.

 — Хорошо.

 — И — не одна.

 — Кэйн, в тюрьме стражники, камера с засовом...

 — Не одна, — повторил он. Тихо. — Кир или я.

 — Кир. Он незаметнее.

 — Договорились.

 Кэйн взял стул, поставил у стола — не напротив меня, рядом. Наш привычный порядок.

 — Леди Рин, — произнёс он.

 — Вы тоже заметили.

 — Она несколько раз поворачивалась к вам и отворачивалась, — сказал он. — Хотела заговорить — не решалась. Это не страх. Это интерес, за которым идёт проверка.

 — Потом разговорилась. Про документы и детали.

 — Это была проверка, — сказал Кэйн. — Вы прошли.

 — Чем?

 — Тем, что не объяснялись. Она ожидала объяснения — зачем женщина Страж Границы, почему здесь, что вам нужно. Вы ничего не объяснили. — Он посмотрел на меня. — Здесь это читается как уверенность в своём положении.

 — Я просто не хотела объяснять.

 — Это одно и то же, — произнёс он.

 Факел у окна горел ровно. В коридоре — тихо, дворец после ужина успокаивался, шаги стали реже. Откуда-то далеко — голос, потом смех, потом снова тишина.

 — Кэйн, — произнесла я.

 — Да.

 — Скажите мне про здешнего лекаря. Если у нас будет доступ к Дарру — что именно я хочу спросить, я знаю. Но Дарр физически слаб сейчас — это факт. Разговор не должен быть долгим.

 — У имперской тюрьмы есть свой врач. Через представителя можно запросить заключение о состоянии заключённого заранее.

 — Добавьте к запросу.

 — Добавлю.

 Мы сидели ещё несколько минут. Я смотрела в блокнот — закрытый, но лежащий перед собой. Кэйн смотрел в окно, где сад внизу был уже совсем тёмным.

 — Спокойной ночи, — произнёс он наконец. Встал.

 — Спокойной ночи.

 Он ушёл. Я выключила лампу.

 За окном столица жила своей ночной жизнью — далёкой, чужой, равнодушной к тому, что происходило в этой ком-

нате. Кому-то важной, кому-то фоном. Мне пока — ни тем, ни другим.

 Мне нужен
был Дарр.

 И ответ, который он один мог дать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.